

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-90-122>
<https://elibrary.ru/BLMGZX>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

А.Н. Толстой в воспоминаниях М.В. Неуструевой Часть 1. Лёша и Маничка

© 2024, М.А. Перепелкин

Самарский литературно-мемориальный музей им. М. Горького,
Самара, Россия

Самарский национальный исследовательский университет им. Академика
С.П. Королёва, Самара, Россия

Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского,
Санкт-Петербург, Россия

Исследование выполнено в Русской христианской гуманитарной академии им. Ф.М. Достоевского за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-28-00699 «А. Толстой как зеркало российской истории и культуры советского времени» (<https://rscf.ru/project/24-28-00699/>).

Аннотация: Настоящая публикация представляет собой фрагмент воспоминаний М.В. Неуструевой (1885–1961), написанных ею в середине – второй половине 1950-х гг., и открывает цикл из двух статей, в первой из которых — «Лёша и Маничка» — идёт речь преимущественно о первом периоде знакомства мемуаристки с будущим писателем А.Н. Толстым, датирующемся концом 1890-х – серединой 1900-х гг. Уроженка Самары, Мария Неуструева (до замужества — Прохорова) была сестрой однокашника Алексея Толстого по Самарскому реальному училищу, общалась с ним и с его родителями, будущей женой Ю.В. Рожанской и т. д. В своих воспоминаниях Неуструева описывает знакомство и встречи с Толстым, любительские спектакли, в которых они вместе принимали участие, а также — ряд эпизодов, относящихся к тому времени, когда Толстой уже стал студентом и возвращался в Самару на каникулы. Воспоминания Марии Неуструевой сопровождаются вступительной статьёй, в которой по доступным источникам восстанавливается биография мемуаристки и история её работы над текстом. Воспоминания М.В. Неуструевой публикуются впервые.

Ключевые слова: А.Н. Толстой, М.В. Неуструева, воспоминания, биография писателя, Самара, 1890–1900-е гг., реальное училище, студенчество, культурный быт, А.Л. Толстая, А.А. Бостром, Ю.В. Толстая (Рожанская).

Информация об авторе: Михаил Анатольевич Перепелкин — доктор филологических наук, директор, Самарский литературно-мемориальный музей им. М. Горького, ул. Фрунзе, д. 155, 443010, г. Самара, Россия; профессор, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королёва, ул. Московское шоссе, д. 34, 443086 г. Самара, Россия; научный

сотрудник, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, наб. реки Фонтанки, д. 15, 191011, г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6102-6947>

E-mail: mperepelkin@mail.ru

Для цитирования: *Перепелкин М.А.* А.Н. Толстой в воспоминаниях М.В. Неуструевой. Часть 1. Лёша и Маничка // Литературный факт. 2024. № 2 (32). С. 90–122. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-90-122>

Вначале — несколько слов о мемуаристе.

Мария Васильевна Прохорова, по мужу — Неуструева, родилась 9 августа 1885 г. в Самаре. Известно, что её отцом был купец Василий Леонтьевич Прохоров, имевший в городе несколько домов — на Сенной (дом 86, после перенумерации середины 1900-х гг., — 108) и Уральской улицах, на углу Николаевской и Заводской, на Лесной пристани № 13 на Волге под Оренбургским спуском. В 1890-х гг. он выполнял обязанности старосты при храме святых Петра и Павла¹ (сегодня этот храм находится на улице Коммунистической). Жenu В.Л. Прохорова звали Олимпиадой Леонтьевной; вспоминая о ней, М.В. Неуструева пишет о том, что её мать «беседовала с Л.Н. Толстым, была у него в Ясной Поляне»².

Кроме Марии в семье Прохоровых были также два её старших брата — Андрей и Александр, первый из которых родился 10 августа 1878 г., а второй — в 1882 г.; они оба учились в Самарском реальном училище. Сама М.В. Неуструева характеризовала своих братьев следующим образом: «Братья — красивые юноши — были совершенно различны и по внешности, и по характеру. Старший Андрей — брюнет с глубокими тёмными глазами — любил философию, и у него был ограниченный круг товарищей. Больше всех он любил Дронского. Александр, светлый блондин с тёмными бровями и с тёмными ресницами, голубоглазый, быстро сходилcя с людьми, любил петь, танцевать и глубокими мыслями вряд ли много утруждал себя <...> Его стихией были фантазия и поэзия. Он писал стихи и мог целыми вечерами, в комнате без огня, увлекательно рассказывать таинственные истории. Почти все реалисты его класса были его товарищами

¹ См.: Адрес-календарь и памятная книга Самарской губернии на 1893 год. Самара, 1892. С. 50.

² *Неуструева М.В.* От юности до старости. Рукопись. Самарский литературно-мемориальный музей им. М. Горького. Книга поступлений-14883 (далее — СЛМ. КП).

и все у него бывали, но всё же и он имел избранных друзей среди одноклассников»³.

О старшем из братьев, Андрее, известно также, что в 1910 г. он окончил химическое отделение императорского Московского технического училища, после чего служил на сахарных заводах, заведовал городской электрической станцией в Самаре, в 1919–1920 гг. исполнял обязанности начальника квартирного отдела Самарского военного комиссариата, а в 1920–1922 гг. преподавал в Самарском университете. Что касается другого брата М.В. Неуструевой, Александра, то сведений о нём сохранилось меньше: его имя несколько раз упоминается в семейной переписке Толстых 1900–1902 гг. (так, в письме от 16 июля 1900-го родители рассказали Алёше, что они видели «Саню Прохорова мельком, когда он шёл мимо нашего дома за гробом Хижнякова (директора реального училища. — *М.П.*)»⁴, в двух ноябрьских письмах 1901 г. они же сообщили студенту-первокурснику А.Н. Толстому о том, что «здесь устраивается кружок любителей с целью играть в народном театре», в котором среди прочих участвует и Прохоров⁵, а в апреле следующего 1902 г. уже А.Н. Толстой просил родителей «похристосоваться за него с Сашкой»⁶); известно также, что он был женат на Вере Александровне Любимовой. По словам М.В. Неуструевой, «печальна была его судьба, порою глубоко трагична, и ужасен его одинокий конец»⁷. Что стоит за этими словами и как сложились судьбы старших братьев М.В. Неуструевой, увы, не известно, но, как следует из её письма в Куйбышевский музей от 28 сентября 1959 г., в конце 1950-х в Куйбышеве, на улице Братьев Коростелёвых, ещё жил сын А.В. Прохорова Владимир Александрович⁸.

О самой М.В. Неуструевой известно следующее. Окончив в 1903 г. с серебряной медалью Первую самарскую женскую гимназию, в следующем году она вышла замуж за одного из её преподавателей С.С. Неуструева. По словам внучки С.С. и М.В. Неуструевых Ирины Юрьевны Неуструевой, обвенчавшись, её дед и бабушка отправились в свадебное путешествие, длившееся два месяца, посетив Варшаву, Вену, Венецию, Флоренцию, Рим, Неаполь, Геную, Марсель, Париж, Кёльн и Берлин. В 1907 г. М.В. Неуструева родила

³ Там же.

⁴ СЛМ. КП-5501.

⁵ ОР ИМЛИ. № 6327/4.

⁶ СЛМ. КП-123.

⁷ Там же.

⁸ СЛМ. КП-14991.

первенца — сына Юрия (всего в семье родилось трое детей, двое из которых умерли в младенческом возрасте). Вместе с мужем и сыном в 1910 г. М.В. Неуструева переехала из Самары в Петербург, где поступила на химическое отделение Бестужевских Высших женских курсов, которое окончила в 1918 г. по специальности «неорганическая химия». В 1910-х она неоднократно принимала участие в почвенных и географических экспедициях мужа в Среднюю Азию, в 1916–1918 гг. работала на почвенно-метеорологической станции в городе Ош Ферганской области.

Муж М.В. Неуструевой Сергей Семёнович Неуструев родился 23 сентября 1874 г. в Нижнем Новгороде в семье капитана волжских пароходов, географа, автора «Словаря волжских судовых терминов» и «Практической карты реки Волги», а также издателя многих книг и атласов Семёна Петровича Неуструева (1843–1914). В 1893 г. С.С. Неуструев окончил Нижегородскую гимназию, после чего поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, где учился до 1898 г. Недолго прослужив в университете, с дипломом по специальности «органическая химия», он приехал в Самару, где служил в земской управе в качестве биолога-почвовода, изучая географию ряда уездов Самарской губернии⁹, а также преподавал в разных учебных заведениях и участвовал в общественной жизни города, в частности — в издании газеты «Самарский вестник». Описывая недолгую «марксистскую» страницу в истории этой газеты, Н. Самойлов пишет о том, что, будучи ещё студентом-естественником, С.С. Неуструев «тяготел, но отнюдь не сливался» с группой самарских марксистов, а «социологи-

⁹ В январе 1913 г. в газете «Волжское слово» была помещена заметка следующего содержания, озаглавленная «Отзыв о работах»: «В 1900–1908 гг. С.С. Неуструев, как известно, произвел по поручению самарского губернского земства почвенные исследования в Самарской губернии. В результате этих работ им были опубликованы три капитальных труда: «Николаевский уезд» (совместно с Л.И. Прасоловым), «Новоузенский уезд» (совместно с А.И. Безсоновым) и «Самарский уезд» (совместно с Л.И. Прасоловым). Эти исследования, опубликованные земством в издании «Материалы для оценки земель Самарской губернии. Естественно-историческая часть», представляют собой детальное почвенно-геологическое описание соответствующего уезда, основанное не только на весьма подробных собственных исследованиях, но резюмирующее также всю, относящуюся к предмету, литературу. К каждому тому приложена гипсометрическая и почвенная, а иногда и геологическая карта. В одном из последних журналов Императорского географического общества об этих работах помещён следующий отзыв: «Упомянутые выше работы выполнены образцово и делают честь столько же авторам их, сколько и самарскому земству, сумевшему привлечь к делу почвенных исследований таких первоклассных работников, как С.С. Неуструев, Л.И. Прасолов, А.И. Безсонов и П.И. Доценко»» (Волжское слово. 1913. 5 января. № 4. С. 3).

ческие послылки марксизма получали у него содержание в историзме и основную базу в естествознании и дарвинизме» [5, с. 99].

В 1908–1914 гг. С.С. Неуструев неоднократно участвовал в исследованиях Переселенческого управления в Туркестане, выступал организатором комплексных экспедиций, руководил почвенными исследованиями в Оренбургской губернии и в Западной Сибири, участвовал в создании Почвенного комитета, был членом Совета Высших географических курсов. Уже в советские годы он работал в Институте опытной агрономии, на географическом факультете Ленинградского университета и др. В 1925 г. Русское географическое общество наградило С.С. Неуструева золотой медалью имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского, а в 1927 г. он принял участие в первом Международном конгрессе почвоведов в США, где выступил с докладом. Весной 1928 г. С.С. Неуструев был командирован для проведения студенческой практики в Бузулукском бору, но в поездке тяжело заболел и 24 мая скончался в Сызранской больнице¹⁰.

В 1918 г. супруги Неуструевы расстались, С.С. Неуструев женился вторым браком на О.Э. Кнорринг, а М.В. Неуструева вначале жила с сыном Юрием в Петрограде, а потом вернулась в Самару, где принимала участие в работе коллегии при губернском отделе народного образования, преподавала в средне-медицинской школе, на командных курсах РККА и в Самарском университете. Работая в эти годы в Самаре, она проживала по адресу: Хлебный переулочок, дом 1, квартира 5.

В 1930 г. из Самары М.В. Неуструева переехала в Ленинград, где работала в геохимической лаборатории в Радиевом институте и преподавала в электротехническом институте им. В.И. Ульянова (Ленина). Там же, в Ленинграде, она встретила и пережила всю блокаду — охраняла лаборатории института, дежурила в госпиталях, работала инженером-химиком на заводе «Красногвардеец», а после войны работала преподавателем химии в 1-м медицинском институте. По словам её внучки, И.Ю. Неуструевой, Мария Васильевна «была очень одарённой и незаурядной личностью, <...> носителем культуры и гармонически развитым человеком. В последние годы, будучи преподавателем химии в медицинском институте, она придавала очень большое значение общему образованию студентов, в том числе — в разных областях искусства. Она прекрасно рисовала, играла на рояле, пела, возглавляла художественный совет самодеятельности в институте и часто у себя дома (хотя жила в большой

¹⁰ См. о нём также: [3].

коммунальной квартире) устраивала музыкальные вечера, учила студентов пению»¹¹.

После расторжения брака отца и матери, с 1921 г., Юрий жил в семье отца и его второй жены, О.Э. Кнорринг. Женой Юрия в начале 1930-х гг. стала дочь инженера и писателя Н.Г. Гарина-Михайловского Ольга Николаевна Михайловская, родившая ему двух дочерей — Эрдени и Ирину. Ю.С. Неуструев погиб 20 декабря 1941 г. при обороне Ленинграда.

Теперь скажем несколько слов о том, как воспоминания М.В. Неуструевой появились на свет и как они оказались в Самарском литературном музее, где хранятся и сегодня. В середине 1950-х М.В. Неуструева узнала о том, что живущий в Куйбышеве однокашник её брата Александра и ещё работавший в Куйбышевском индустриальном институте или совсем недавно вышедший на пенсию Евгений Юльевич Ган то ли уже завершил, то ли трудится над воспоминаниями об А.Н. Толстом¹². По-видимому, познакомившись с этими воспоминаниями, М.В. Неуструева осталась не просто не удовлетворена, но местами и раздражена ими, о чём она сообщила в обратившийся к ней в конце 1950-х Куйбышевский музей М. Горького. Здесь следует напомнить, что примерно в это время музей стал обладателем толстовского семейного эпистолярного архива, поступившего в его фонды от семьи Гуревичей, и теперь разыскивал другие материалы, связанные с самарским периодом жизни А.Н. Толстого. Скорее всего, именно Е.Ю. Ган посоветовал музейщикам связаться и с М.В. Неуструевой, отрекомендовав её в качестве одной из знакомых юного Толстого.

В ответном письме в музей, датированном 28 сентября 1959 г., М.В. Неуструева сообщила, что никаких материалов, которые можно было бы использовать в качестве музейных экспонатов, у неё нет и быть полезной музею при организации экспозиции, относящейся к Толстому, она, к сожалению, не может. Относительно своих воспоминаний о Толстом, «которого знала с 14 лет и на протяжении всей жизни», она дала знать, что «это работа чисто литературного характера», опубликовать которую ещё рано по целому ряду соображений, а «крошить её на мелкие вопросы (это по поводу вопросов

¹¹ СЛМ. КП-16450.

¹² Сокращённый вариант воспоминаний Е.Ю. Гана «Молодой А.Н. Толстой на фоне старой Самары» был опубликован: [1, с. 310–337]. До сих пор эти воспоминания оставались единственным более или менее подробным мемуарным источником о годах юности будущего писателя, проведённых им в Самаре. См. также воспоминания Е.П. Пешковой о её самарской встрече с совсем юным Толстым, относящейся «вероятно к осени 1890 года»: [2, с. 22–26].

о любительских спектаклях)» она считает нецелесообразным, так как «о фактах, конечно, можно писать и с чужих слов, но писать о людях и их поступках, о характерах действующих лиц, не выражая своего отношения, очень трудно, да и не нужно»¹³. В связи с последним замечанием автор письма и поделилась с музейщиками своими соображениями о мемуарах Е.Ю. Гана: «Одновременно с Е.Ю. Ган<ом> я начала писать свои воспоминания об А.Н. Толстом (на первой странице тетради воспоминаний стоит дата — 1955 год) <...> На протяжении многих лет я и Е.Ю. Ган знали одних и тех же людей, а при описании их так разошлись, что даже поссорились. Особенно меня возмутило его поголовное оплёвывание преподавателей реального училища (эти же преподаватели работали и в нашей 1-ой женской гимназии). Считаю, что и братьев моих унижил он, не приняв во внимание многих обстоятельств. При описании людей нельзя забывать о мудрости А.П. Чехова: “Какою мерою нужно измерять достоинства людей, чтобы судить о них справедливо?”. Всё, что рассказывает и пишет Е.Ю. Ган, — дело его ума и совести. Моя работа ещё далека от завершения, и ещё рано отдавать её на суд других»¹⁴. Одновременно с этим М.В. Неуструева сообщила, что ранее с вопросами о её воспоминаниях об А.Н. Толстом к ней также обращалась С.И. Дымшиц, и посоветовала куйбышевским музейщикам попробовать обратиться за интересующими их материалами к родственникам недавно скончавшейся в Куйбышеве артистки Марии Никифоровны Ти<ли>нской, «ровесницы А.Н. Толстого, встречавшейся с ним с детских лет».

Ранней осенью 1960 года М.В. Неуструева побывала в Куйбышеве, посетила Музей М. Горького, осмотрела открывшиеся к этому времени выставки, посвящённые А.Н. Толстому и Н.Г. Гарину-Михайловскому. В ответ на интерес музейщиков, проявленный к её воспоминаниям, М.В. Неуструева пояснила, что, разойдясь в оценке некоторых событий в жизни реалистов с Е.Ю. Ганом, она бы хотела прежде показать свои воспоминания сыновьям А.Н. Толстого: «Пусть они посмотрят эти воспоминания и скажут, можно ли их отдать вам. А может быть, всё то, о чём я вспомнила, в самом деле, не имеет значения?».

8 апреля 1961 г. М.В. Неуструева скоропостижно скончалась и была похоронена на Серафимовском кладбище в Ленинграде. Дальнейшая судьба тетради с её воспоминаниями на протяжении пример-

¹³ СЛМ. КП-14991.

¹⁴ Там же.

но двух десятилетий нам неизвестна. По словам М.П. Лимаровой, «с 1961 года куйбышевцы добивались, чтобы эти воспоминания попали в музей, пытаюсь решить этот вопрос через сноху Марии Васильевны О.Н. Михайловскую, но по разным причинам она так и не смогла встретиться с сыновьями А.Н. Толстого»¹⁵. Сегодня трудно делать предположения и о том, что стоит, например, за надписью, сделанной на последнем авантитуле этой тетради: «Москва. Музей Горького <...> Ул. Воровского, 25 А. Научн<ому> сотрудрн<ику> Антоненковой Анне Петровне». Надпись сделана чьей-то посторонней рукой — не рукой М.В. Неуструевой. Означает ли она, что кто-то из родственников или знакомых мемуаристки — по её воле, либо — по собственному разумению, предполагал передать эти воспоминания в Москву, но почему-то так и не сделал этого? Сегодня на этот вопрос ответа уже не найти.

В конце 1970-х или в самом начале 1980-х гг., накануне открытия в Куйбышеве Музея А.Н. Толстого, сотрудники этого музея вновь вспомнили о воспоминаниях М.В. Неуструевой и обратились с вопросом о них к её внучкам — Эрдени Юрьевне и Ирине Юрьевне Неуструевым, которые ответили, что они могли бы передать в музей воспоминания своей бабушки, но при одном условии — если родственники А.Н. Толстого, выступающего в этих воспоминаниях одним из главных героев, не будут возражать против их хранения в куйбышевском музее. Тогда научный сотрудник музея З.В. Стрелкова, по поручению директора М.П. Лимаровой, сообщила внучкам адреса и телефоны проживавших в Ленинграде сыновей А.Н. Толстого Никиты Алексеевича и Дмитрия Алексеевича Толстых, а встретившаяся с последним из них И.Ю. Неуструева передала ему тетрадь с мемуарами её бабушки (по всей видимости, именно в это время на конверте, в который была вложена тетрадь, рукой И. Ю. Неуструевой сделана надпись следующего содержания: «Воспоминания Марии Васильевны Неуструевой (урожд. Прохоровой) о годах юности в Самаре, в том числе — о встречах с Алексеем Николаевичем Толстым в 1900-х годах. Вернуть Ирине Юрьевне Неуструевой <...> или отправить в литературный музей г. Куйбышева М.П. Лимаровой или А.Г. Романову»¹⁶.

¹⁵ Поиски и находки. Новые приобретения для Музея-усадьбы А.Н. Толстого. Текст выступления М.П. Лимаровой по телевидению 13 января 1988 г. Машинопись. СЛМ. Фонд М.П. Лимаровой.

¹⁶ Романов А. Г. (1955–2020) — сын М.П. Лимаровой, в 1993–2010 гг. директор Самарского литературно-мемориального музея им. М. Горького.

Далее, по словам М.П. Лимаровой, «с нарочным из дома Толстых эта рукопись попала в музей»¹⁷, о чём музейщики поставили в известность внучек мемуаристки, получив от них такое письмо, адресованное М.П. Лимаровой: «Глубокоуважаемая Маргарита Павловна! Благодарим Вас за большую и неожиданную радость, которую доставило нам Ваше выступление по Ленинградскому телевидению вечером 29 октября в передаче “Телекурьер”. Приятно было узнать, что Вы получили тетрадь с воспоминаниями Марии Васильевны Неуструевой после того, как, согласно её воле, с ними познакомились сыновья А.Н. Толстого. Мы рады, что, судя по Вашим словам, эти воспоминания существенно дополнили материалы, касающиеся юности А.Н. Толстого. Жаль только, что мы не знали об этом литературном вечере в Ленинграде. Но тем не менее нам было очень приятно услышать лестный отзыв о записях Мар<ии> Вас<ильевны>, и <мы> благодарим Вас за бережное к ним отношение»¹⁸.

К этому остаётся добавить, что, познакомившись в 2022 г. с И.Ю. Неуструевой, мы получили от неё в дар ещё одну тетрадь её бабушки, озаглавленную «1927/8 г. Искусство с 3/X по 11/XI. Литература. Музыка. Живопись. Театр». Эта тетрадь представляет собой читательско-зрительский дневник, в который жившая в это время в Самаре М.В. Неуструева вносила лаконичные записи о прочитанных ею книгах, увиденных спектаклях, кинофильмах и т. д. Среди прочего упоминаются «Голубые пески» Всеволода Иванова, «Гиперболоид инженера Гарина» А.Н. Толстого, «Любовь Яровая» К. Тренёва, кинофильмы «Человек из ресторана», «Цепи брака», «Его превосходительство», оперные и драматические спектакли, музыкальные концерты. Наряду с кратким пересказом содержания прочитанного и увиденного автор дневника делится своими впечатлениями, анализирует, сопоставляет. На наш взгляд, эта тетрадь полностью подтверждает слова И.Ю. Неуструевой о Марии Васильевне как о «носителе культуры и гармонически развитом человеке», которым она была и оставалась в любых жизненных обстоятельствах и на протяжении всей её жизни.

Теперь переходим к самим воспоминаниям М.В. Неуструевой. Как уже было сказано, эти воспоминания, озаглавленные «От юности до старости», занимают общую тетрадь почти в 200 листов, испи-санных с обеих сторон от руки и пронумерованных сверху автором.

¹⁷ Поиски и находки...

¹⁸ СЛМ. КП-16450.

Два листа — а это страницы 184–186 — в тетради отсутствуют и, скорее всего, — вырезаны автором. Воспоминания обрываются на полуслове, но существовало ли какое-то их продолжение — выяснить нам не удалось. Текст воспоминаний поделён на главы: «В Самаре: отрочество и юность», «Тоска», «Петербург», «Среди художников», «Среди студентов», «Гнёт авторитета». В каждой из глав описывается больший или меньший промежуток времени, связанный с тем или иным событием, определяющим жизнь и настроение мемуаристки на этом этапе, и почти в каждой из глав в качестве одного из главных героев фигурирует А.Н. Толстой, фотографический портрет которого вклеен мемуаристкой на первом форзаце тетради.

Воспоминаниям предшествует эпитафия из стихотворения А. Апухтина («Пусть даже время рукой беспощадно / Мне указало, что было в вас ложного, / Всё же лечу я к вам памятью жадною, / В прошлом ответа ищу невозможного») и короткое предисловие, датированное 20 марта 1955 г., в котором мемуаристка, прежде всего, делает оговорку о том, что «настоящая повесть не рассчитывает на опубликование в печати тех воспоминаний, которые сохранила моя память», а также сожалеет о том, что уничтожила дневники своей юности и зрелых лет: «Повседневные, напряжённые заботы многое вытеснили из памяти, но встречи с яркими, значительными и своеобразными людьми остаются незабываемыми. Счастлив тот, кто имеет такие воспоминания. Только крупный, выдающийся талант, глубокий оригинальный мыслитель или же отменный специалист в своей области может, не подчиняясь требованиям эпохи, без искажения действительности, образов, опубликовать свои произведения. В искусстве искренность, безыскусственность, правдивость + мастерство — всё. Всякая подделка, фальшь невыносимы в литературе так же, как в живописи и в музыке».

Первая глава воспоминаний охватывает период с середины 1898-го по середину 1901 г. Во второй главе воспоминаний — «Тоска» — мемуаристка описывает две самарские встречи с Толстым, произошедшие в 1900-х. Первая из этих встреч, скорее всего, случилась летом 1904 г., когда автор воспоминаний, уже окончив гимназию и выйдя замуж за С.С. Неуструева, проводила летнее время в родительском доме, куда и приехал Толстой — навестить её и её братьев. Вторая «самарская» встреча произошла уже в зимние каникулы, в Дворянском собрании на студенческом балу «специалистов» в «большом двухсветном зале с традиционными колоннами и хорами». Все остальные встречи мемуаристки с Толстым — а их было ещё не менее трёх — произошли уже после 1909 г. в Петербурге,

и о них М.В. Неуструева рассказала в трёх следующих главах — «Петербург», «Среди художников» и «Среди студентов». Несмотря на то, что время действия всех трёх названных глав занимает не больше двух лет — с 1910-го по 1911-й, и сама мемуаристка, и её окружение и образ жизни, и Толстой, с которым она встречается — случайно и намеренно, стремительно меняются, и поэтому в каждой из этих глав читатель встречается и с новой М.В. Неуструевой, и с другим А.Н. Толстым.

Как уже было сказано, мемуары М.В. Неуструевой обрываются на полуслове: начав шестую главу — «Гнёт авторитета» — мемуаристка не только не завершила её, остановившись ровно там, где окончилась тетрадь, но и удалила из уже написанной главы два листа, придя, видимо, к выводу, что то, о чём на них рассказывалось, не должно быть прочитано никем посторонним. Заметим, что речь в этой недописанной главе шла о муже мемуаристки С.С. Неуструеве и об их семейных взаимоотношениях, названных теперь автором воспоминаний «гнѐтом авторитета»: по всем видимости, сложность разговора об этой неоднозначной, но и обязательной для рассказа странице жизни и заставила мемуаристку прибегнуть к самоцензуре и оборвать повествование, не завершив его. По словам внучки автора воспоминаний, И.Ю. Неуструевой, никакого «продолжения» этих мемуаров, скорее всего, никогда не существовало, и в архиве её бабушки — кроме уже перечисленных выше документов — остались лишь дневниковые записи о повседневной жизни Ленинграда 1950-х. Из этого мы можем сделать вывод о том, что то ли М.В. Неуструева не успела продолжить начатую ею работу, то ли — и не планировала продолжать её, доверив тетради самой решить, где она должна остановиться.

А теперь о том, что ещё нам представляется важным подчеркнуть в связи со всем сказанным выше. И прежде всего — два слова о жанровых особенностях мемуаров М.В. Неуструевой, представляющих собой, по нашему мнению, двойко ориентированный текст. С одной стороны, как это уже подчёркивалось выше, мемуаристка настаивала на том, что «настоящая повесть не рассчитывает на опубликование в печати тех воспоминаний, которые сохранила моя память», но с другой — не только не скрывала самый факт того, что такие воспоминания имеются, но и в некоторой степени афишировала это, поставив в известность куйбышевских музейщиков и, возможно, Е.Ю. Гана, и намереваясь познакомить с этими воспоминаниями потомков А.Н. Толстого. Таким образом, будучи глубоко интимными, написанными как бы «для себя», эти мемуары в то же время обраще-

ны вовне, к читателю — если не современному, то «провиденциальному». С последним обстоятельством связан и факт самоцензуры, не только не замалчиваемый, но и подчёркнутый мемуаристкой, которая, вырезав две страницы текста, не стала менять нумерацию страниц и как-то ещё пытаться скрыть то, что четыре страницы были вырезаны ею. Любопытно также, что воспоминания поделены на главы, всему тексту мемуаров предпослан эпитаф, а вместо «я» мемуаристка последовательно использует обозначение себя в третьем лице — Маня, Маничка, Мария Васильевна.

Выше, обозначая главные сюжетные вехи мемуаров М.В. Неуструевой, мы уже сказали о том, что А.Н. Толстой — обязательный герой каждой главы, и то, что его фотография, а не фото, скажем, самой мемуаристки, была помещена ею на внутреннюю сторону лицевой обложки тетради. Но нельзя в то же время не заметить, что и портрет Толстого, и портреты всего его окружения, включая автора воспоминаний, даются мемуаристкой на фоне истории Самары, Петербурга и страны в целом. Так, в самарских главах присутствует описание географии города, нравов и характеров его жителей, гимназических и студенческих увлечений и т. д.

Ну и, наконец, о том, что касается самого А.Н. Толстого, выступающего, вне всяких сомнений, главным героем всего мемуарного текста, то здесь нам кажется важным обратить внимание на то обстоятельство, что иногда он заслоняет собой даже саму мемуаристку, прекрасно осознающую, что детали и тонкости её биографии чаще всего могут представлять интерес только для неё самой, а вот зато всё, что касается Толстого, имеет несомненный интерес для многих. Именно по этой причине М.В. Неуструева, почти ничего не сказав о своих родителях, даёт развёрнутую характеристику родителям А.Н. Толстого — его матери А.Л. Толстой и отчиму А.А. Бострому, в дальнейшем ещё не раз возвращаясь к ним и пробуя обозначить главные этапы формирования и взросления Толстого, в том числе, через его отношения с родителями, в частности — с А.А. Бостромом (в этой связи представляет интерес, например, реакция Толстого на прозвучавшую ещё в Самаре, на гимназическом балу, похвалу С.С. Неуструева бостромовскому чтению Некрасова). Важно подчеркнуть, что мемуаристку интересуют не сами по себе факты из жизни Толстого, какими бы интересными они ни были, — её интересует становление человека, выросшего в большого художника, для чего ему пришлось и выйти из своего окружения, оставив далеко позади всё, что ему при этом мешало, и измениться внутренне — интеллектуально и эмоционально. При этом «Маничка», зная

и помнившая Толстого озорным и непосредственным в отношениях с друзьями «Лёшей», может не принимать произошедших с ним перемен и его отстранённости и холодности в последующих отношениях, но взрослый, умный и проницательный человек, каким была мемуаристка в 1950-е гг., читавшая произведения, написанные тем самым и совсем не тем «Лёшей», понимавшая масштабы его дарования, глубину психологического анализа, представленного на страницах «Детства Никиты», «Хождения по мукам», «Петра I» и других произведений, не просто прощает ему эту «холодность» и «отстранённость» (она хорошо осознаёт, что ни в каком прощении А.Н. Толстой и не нуждается), но понимает их драматизм и глубинную необходимость. Только порвав с оставшимися во вчерашних привычках друзьями детства, отстранившись от читающего из года в год на гимназических вечерах одно и то же некрасовское стихотворение А.А. Бострома, раз и навсегда обозначившего своё нынешнее «я» при встречах с ней, «Маничкой», Толстой и смог стать автором всех названных и многих других произведений, в которых биографическое перемалывается в эстетическое, а частное и преходящее — в общее и продуцирующее вневременные смыслы.

Текст печатается по авторской рукописи (СЛМ. КП-14883), подстрочные примечания принадлежат публикатору; зачёркнутое автором приводится в прямых скобках [...], конъектуры — в угловых <...>.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ М. В. НЕУСТРУЕВОЙ

Братя Мар<ии> Вас<ильевны> Андрей (1878 г<ода> рожд<ения>) и Александр (1882 г<ода> рожд<ения>) учились в реальном Самарском училище. Братя — красивые юноши — были совершенно различны и по внешности, и по характеру. Старший Андрей — брюнет с глубокими тёмными глазами — любил философию, и у него был ограниченный круг товарищей. Больше всех он любил Дронского. Александр, светлый блондин с тёмными бровями и с тёмными ресницами, голубоглазый, быстро сходился с людьми, любил петь, танцевать и глубокими мыслями вряд ли много утруждал себя. Ведь он не знал тогда, как печальна будет его судьба, порою глубоко трагична, и как ужасен будет его одинокий конец!.. Его стихией были фантазия и поэзия. Он писал стихи и мог целыми вечерами, в комнате без огня, увлекательно рассказывать таинственные истории. Почти

все реалисты его класса были его товарищами и все у него бывали, но всё же и он имел избранных друзей среди одноклассников. <Это, прежде всего,> Коля Арычкин — сын городского головы, впоследствии профессиональный артист Самарин, Саша Чумаков — сын инженера, заведующего городским водопроводом, впоследствии инженер-технолог, и Алёша Толстой, впоследствии талантливый знаменитый писатель. Эти товарищи у брата Александра бывали почти ежедневно — то один, то другой, а иногда и все вместе. Науками из них больше всех занимался Саша Чумаков, а Саша Прохоров, Коля Арычкин и Лёша Толстой не принадлежали к разряду первых учеников, учились с грехом пополам и больше предавались искусствам, дискуссиям, спорту, поездкам за город.

Маню воспитывали строго, и обычно, когда к Саше приходили товарищи, отец плотно закрывал дверь в комнату Мани, но товарищи брата Маню интересовали не меньше её подруг, и за чайным столом они неизменно встречались, так как «чай пить» и обедать полагалось обязательно и притом всем вместе[, чтоб никого не затруднять]. Обычно для сохранения большей независимости Маня садилась за большой самовар с его задней стороны, но и там «недремлющее око» строгой мамани находило её. И стоило Мане весело взглянуть на мальчиков, как указательный палец мамани как бы случайно ложился около носа на щёку, что означало: «Не кокетничай!..».

Однажды, когда Мане было всего 13 лет (1898 г.), она услышала за стеной, в комнате брата, весёлый дружный смех и непрерывный разговор, как будто говорили все разом. Маня с особым нетерпением ждала, когда позовут «чай пить!», так как один голос был незнакомым и смеялся он особенно раскатисто и заразительно. «Кто это? Кто-то новый!». А всё новое непреодолимо привлекало Маню. Как только раздался звонкий голос горничной Маши «Чай пи-и-ить!», Мария в мгновение ока заняла свою позицию за шумевшим самоваром. [Маманя налила ей чаю, а мальчики не шли. «Чего же ты ждёшь? Пей, а то остынет...». Маня была в отчаянии и зачерпывала ложечкой буквально по две капли чаю, потому что больше двух чашек ей пить не полагалось и так сидеть за столом тоже не полагалось: напился и уходи]. Вслед за ней чинно вошли реалисты, и Александр представил матери нового товарища: «Алексей Толстой!»¹. Тот совершенно необычайно для круга знакомых Прохоровых элегантно, по-светски, раскланялся и подошёл к Мане, ожидая, когда она подаст руку, а не хватая её за руку, как Колька Арычкин.

¹ А.Н. Толстой перевёлся в 5-й класс Самарского реального училища из Сызрани, где он окончил 4-й класс.

«Вот он какой!» — с изумлённым восхищением подумала Маня. Перед ней был стройный, высокий красивый юноша с гордо посаженной [от природы] головой, с необычайно чистым породистым лицом, с тёмными русыми, слегка волнистыми, пышными волосами. Мане трудно было оторвать от него взгляд, но палец мамани уже лежал около носа. Чай пили почти молча, только мальчишки изредка перекидывались незначительными фразами.

Лёша Толстой быстро освоился в новом для него доме. С Александром они стали закадычными друзьями, соперничая друг с другом не только в фантастическом творчестве, но и в бесконечном озорстве. «Я сангвиник!» — часто говорил про себя Лёша Толстой и громко, раскатисто при этом хохотал. Он искренно, без тени самовлюблённости, радовался своей неотразимой красоте, здоровью, силе и ловкости. Он умел высоко прыгнуть, схватиться за притолоку двери и на одной руке подтянуться несколько раз, а спустившись на пол, сгибал руку и требовал, чтобы другие убедились в его силе. «Маничка, смотрите, какие бицепсы!», — подставлял он свою руку Мане, и та нерешительно [(«неприлично прикасаться к постороннему юноше»)] одним пальцем прикасалась к твёрдым, вздувшимся мышцам и в смущении опускала глаза. Скоро это бахвальство перешло в недопустимое озорство: демонстрируя силу и ловкость, Лёша стал ломать вещи, которые по своей прочности безусловно пережили бы нас, — ломал кресла, столы, стулья, архитектурные украшения на деревянной даче Прохоровых. Этого наш бережливый аккуратный отец допустить не мог. Он категорически запретил впускать Толстого в дом, а брату Александру запретил приглашать его. Но добрейший отец наш сам же первый забывал свои строгие приказы.

Отец глубоко уважал труд человека во всех его проявлениях. И учил нас людей труда уважать глубоко, приглашая плотника или печника, он обязательно угощал их обедом или завтраком и внушал нам, что люди труда выше нас, потому что умеют делать необходимые вещи. «А вы пока что лодыри», — заканчивал он, сокрушённо качая головой.

Для боевого характера брата Александра вообще никаких запретов не существовало, он всегда умел обойти их, да и дружба трёх товарищей была сильнее всех запретов. Старинный, приобретённый ещё дедами, большой, тенистый, роскошный фруктовый сад Прохоровых в пяти верстах от города, обладал волшебной притягательной силой для всех товарищей братьев и подруг Мани. Три друга садились на велосипеды, дорогой любовались широким видом, открывавшимся с водораздела между Волгой и Самаркой. Вид открывался

вёрст на 40, и друзья намечали, куда им следует пойти на охоту, где они ещё не бродили, и так в увлекательных разговорах они незаметно переезжали запретную зону и, въезжая в сад, полной грудью вдыхали все его ароматы.

Вот яркий, солнечный, летний день Иван-Купалы. Тишина, и над ней, взлетая выше деревьев и уплывая в другие сады, летит стройная многоголосая старинная мордовская песня: это поют девушки, пришедшие из Каменки, Селитьбы и из других сёл на заработки в сады. Смотря по сезону: рыхлят землю, поливают, собирают ягоды или яблоки, и всё поют, поют протяжные, замысловатые, с непонятными словами песни. Голоса прекрасные. Тон задаёт баба Катя, старуха лет 60, но её мощное контральто слышно больше, чем за километр, а репертуар её неисчерпаем. Она сама была поэтом и композитором, не отдавая в том себе отчёта, а просто пела и пела, умолкая только на время трапезы и сна.

Внезапно стройное пенье сменяется невероятным визгом: бегут мокрые, [как утопленницы], девушки, а за ними с ведрами холодной, колодезной воды, сами такие же до нитки все мокрые, наши друзья-реалисты, и все одновременно заливчато хохочут, [это целый оркестр смеха-хохота, на все голоса]. По старинным обычаям в этот день надо искупать всех, кому желаешь добра.

Маня с ужасом бежит к дому, надеясь спрятаться и запереться в своей комнате, но реалисты настигли её — и четыре ведра воды обрушились на девочку, как горный водопад! Всем необычайно весело, и все хохочут без конца.

Маня выбежала в цветник под палящие лучи солнца и раскинула руки, [волосы, платье]. Но тонкое, белое, [батистовое] платье плотно облепило детскую фигурку, и Мане кажется, что она при всех стоит, как обнажённая. Заплавав от стыда, она бежит в дом, но у двери её комнаты Лёша Толстой настигает её: «Маничка, дайте хоть простыню, пока высохнут мои штаны, у Сашки ничего здесь нет, а мне в город скоро надо» — и таинственно шепчет: «На свидание...».

Дело серьёзное, действительно нужна скорая помощь, а то «ведь Юличка Рожанская² страдать будет», — быстро соображает Маня. Они роются в сундуке, и Маня уже не обращает внимания на то, что с неё по полу бегут ручьи.

Среди белого белья мелькнули яркие ленты. Девушки украшали тогда своё бельё кружевами и пышными бантами из атласных лент.

² Ю.В. Рожанская (1880–1943) — дочь доктора медицины В.М. Рожанского, первая жена А.Н. Толстого (состояла в браке с ним с 1902 по 1907 гг.). См. о ней подробнее: [4, с. 218–245].

Лёша восторженно хохочет и, выхватывая нарядное бельё, он кричит одно только слово: «Вот! Вот! Ха-ха-ха-ха» и с целой пачкой девичьего белья внезапно скрывается.

Переодевшись, Маня выходит на верхнюю террасу, откуда сад весь, как на ладони, и видит она необычайную картину: на ветках могучих яблонь, растопырив ноги и руки, висят вверх ногами одежды реалистов, старательно расправленные, приколотые так, чтоб составила цельная фигура, вместо голов из воротников торчат наскоро скрученные газетные головы, а живые реалисты в это время опять с ведрами холодной воды, одетые в девичье бельё, украшенные бантами, по ярко зелёной дорожке, прячась за кустами, тихо подкрадываются к поющим девицам — и опять стройная песня сменяется невероятным визгом...

Всё это было крайне неприлично: и полуобнажённые юноши, и всё их поведение... Маня в ужасе: «Чем же всё это кончится?! А вдруг приедут маманя или тятяша?». Нет, она тут не при чём, на ней чистое, сухое платье, и она сидит за очередное вышивание. Реалисты же все «приличия» считали признаком большой отсталости и нарушали их с большой охотой.

<...>

<Однажды> брат Сашка как ни в чём не бывало, обращаясь к товарищам, сказал: «Приходите к нам, я познакомлю вас с Типом, вот это человек! Древний мужик, но как рассказывает — прямо садись и пиши! Вот это человек!..».

«Тип» действительно был необычайный человек. Старый крестьянин-инвалид, он был у Прохоровых истопником: в подвале дома была «камера» с громадной печью, и воздушно-тепловая система обогревала весь дом. Мы любили забираться в эту камеру и слушать неторопливые рассказы деда Иллариона («Ларивон» — называли его). Он так причудливо переплетал быль с небылицей, что молодёжь часто теряла представление о времени, слушая его. Печёная в золе картошка, которой угощал нас «Ларивон», казалась редким лакомством.

Друзья заинтересовались рассказчиком и вскоре пришли: Толстой, Чумаков и Арычкин. Кольку А<рычки>на послали на разведку: где «Ларивон», в камере или ещё не спустился?..

Войдя в большую кухню, которая помещалась в нижнем этаже, Коля А<рычки>н увидел там крестьян, приехавших из далёкого села. Они, приезжая в город, останавливались у Прохоровых. На постоялом дворе платить надо, а отец рассуждал просто: «А какой нам от них убыток? Пускай переночуют».

Арычкин — врождённый артист — жаждал перевоплощения и жадно изучал все «типы». Его пленили крестьяне-эрзя из мордовских сёл, так не похожие на городских жителей. Это были люди из другого мира. В голове Арычкина возник смелый спектакль и, быстро договорившись с крестьянами, в карманах которых каждый двугривенный был редким гостем, Арычкин весь отдался творчеству. В такие моменты он всех умел подчинить своей воле, и товарищи беспрекословно выполняли его требования. Его артистический авторитет никогда не вызывал у нас сомнений. И через каких-нибудь полчаса реалисты преобразились: Коля Арычкин — бородатый солидный мужик в тулупе, подпоясанный цветным кушаком, в лохматой шапке, надвинутой на глаза; взгляд его угрюм, суров и даже страшноват, Алёша Толстой — тоже в тулупе, но шапка на затылке — это парень, который впервые видит город, он всему удивляется, на него нельзя смотреть без улыбки, а встретив улыбку, Алёша ухмыляется до самых ушей, показывая прекрасные зубы, и готовый в каждый момент разразиться хохотом, но он с опасением поглядывает на батю (Арычкина). А наш Сашка! В голову не придёт! Чумаков, с жгуче чёрными глазами на молочно-белом лице, и Сашка Прохоров, с голубыми глазами в чёрных ресницах [под тёмными бровями] — две красавицы-молодухи, в дублёных шубах с борами, в ярких полушалках, скромные, стыдливые, закрывающие лицо то шалью, то локтем.

Вся эта компания ввалилась на сено в дровни, запряжённые мухрышкой-лошадёнкой, на которой обычно возили воду [(водопровода во дворе ни в одном доме не было)], и поехали на главную, Дворянскую улицу. Спектакль сочинялся и разворачивался по мере их движения. Несомненно было одно: реалистов больше не существовало — они переродились. На каждый дом, на каждого встречного они смотрели во все глаза: всё так не похоже на их деревню.

На Дворянской улице (главной в городе) был большой пустырь, поросший полынью, крапивой да муравой травой. Предприимчивый купец огородил этот пустырь дощатым, без одной щёлочки забором и устроил там, как теперь говорят, «стадион», а тогда и летом, и зимой это предприятие называлось «каток». Летом там за плату катались на велосипедах (велосипеды давались напрокат), а зимой весь пустырь заливался водой и получался прекрасный каток для конькобежцев. Там устраивались гонки, костюмированные балы на льду — для молодёжи развлечение, а купцу нажива. [(Мы все были ярыми спортсменами и конькобежному спорту предавались ежедневно в ущерб наукам)].

Вот на этот-то каток, где собиралась молодёжь всего города, и направилось новоявленное артистическое семейство: впереди боязливые, как дикие козы, пригожие молодухи, а за ними богатырь-мужик с окладистой бородой и растяпа-перень Лёшка Толстой. С безукоризненным волжским акцентом окая, медлительно-певуче, громко высказывали они свои замечания, возмущались барским легкомыслием городских жителей, способных целый вечер ухлопать на такое никчемное занятие, [как катание на коньках по большому кругу]. «Тятя, смотри, смотри, срамница какая, ногу-то как задрала!». Это Лёша пальцем показывает на фигурное катание великосветской барышни Звягинцевой, всех поражавшей своим мастерством. «А ты что, дурень, глаза-то вылупил, срамоту таку и глядеть-то грех! Тьфу! — сплюнул Колька Арычкин. — Бабы, не смотрите на энту бесстыдницу!». «Как ведь выворачиватца!» — с восторгом добавлял он, и бабы косили глаза на срамницу. «Тятя, смотри, коньки-то си-реб-ря-я-ныи», — тоненьким голоском выпевает Саша Чумаков и трогает коньки на ремне, перекинутые через плечо гимназиста. Гимназист от души хохочет: «Эх ты, деревня! Сама-то ты си-реб-ря-я-ная», — передразнивает он бабёнку. «Но, но! — властно отстраняет гимназиста степенный мужик — Коля Арычкин. — Ты наших молодух не замай, это вам не городские вертихвостки, вон со своей мамзелью лясы точи...».

Сконфуженная гимназистка-«мамзель» тянет гимназиста за рукав, и они убегают, но Колька Арычкин успевает дать «тумака» гимназисту. Это привлекает внимание праздных обывателей, раздаются смешки: «Так его! Тузи!». «Господи Иисусе, пресвятая Богородица, — причитают тоненько Сашки, — страсти-то каки!.. Тятя, айда домой, смеютца над нами городские-то!».

— Смеютца! — басом трагика взревел Колька Арычкин, — я им такой смех покажу. «Деревня!» — передразнивает он гимназиста, скрывшегося в толпе. — Сопляк какой! Деревня-то весь ваш город кормит, да не один город! Погоди, просмеютца!» — угрожающе потряс он кулаком. Игра становилась опасной: в публике многозначительно переглядывались, любителей подражаться в те времена было много, и кулачные бои возникали мгновенно. Но неиссякаемая инициатива в озорстве спасла наших артистов: им пришлось в голову отправиться к знаменитому адвокату Самойлову и сыграть импровизированную сцену: разыграть жалобу на незаконный захват земли купцом-миллионером Шихобаловым. Так решили они проверить своё артистическое дарование: «Если примут за настоящих — значит, мы настоящие артисты».

Но эта же озорная компания не чужда была и больших серьёзных вопросов, занесённых в Самару «ссылными политическими». Среди ссыльных существовала «коммуна», которая использовала все возможности для работы с молодёжью: они снабжали учащихся запретной литературой, листовками и программами для чтения и не упускали случая забросить зерно революционного протеста в юные сердца.

Реалисты, семинаристы и гимназисты, сверстники наших героев и их приятели, порой часами вели споры по вопросам социологии, а в связи с этим и о судьбах русской литературы и русского искусства: как они должны служить народу?!

Мать Алексея Толстого Александра Леонтьевна Тургенева, выданная замуж за графа Толстого, ушла от него и стала женой Алексея Аполлоновича Бостром<а>, она была писательницей³. Кроме романов и повестей она писала для юношества и любила молодёжь. Умная, красивая и в высшей степени скромная, Александра Леонтьевна обладала исключительным тактом в отношениях с людьми. Молодёжь часто собиралась у них на Саратовской улице, где было у них два дома⁴. Тот, что выходил на улицу, сдавался жильцам, это и составляло их главные средства к существованию. А в доме во дворе одну из небольших квартир во 2-м этаже направо занимали сами Бостром<ы>. В узкой длинной комнате стояло старинное фортепиано, формой напоминавшее высокий стол. Наши товарищи — Маня Арычкина, Суша Чумаков и другие — по очереди играли на нём, и под звуки разбитых струн мы с упоением танцевали.

Александра Леонтьевна специально для нашей компании писала пьесы, с учётом всех взаимоотношений. Она знала, кто в кого влюблён, и строила пьесы так, что репетировать и разыгрывать эти спектакли нам было чрезвычайно интересно. Александра Леонтьевна пересчитывала на пальцах, сколько в нашей компании девушек и сколько юношей, и пьеса писалась так, что все оказывались заняты в ролях, сообразно своему характеру. Юлия Рожанская (первая любовь Алексея Толстого) всегда играла девушку скромную, благовоспитан-

³ Перу А.Л. Толстой (1854–1906) принадлежат роман «Неугомонное сердце» (1882), сборник «Захолустье» (1886), многочисленные рассказы, публиковавшиеся в периодических изданиях, книги для детей («Два мирка», «Как Юра знакомится с жизнью животных», «Подружка», «Сестра Верочка» и др.); писала также пьесы, оставшиеся неопубликованными.

⁴ Сегодня здесь находится Музей-усадыба А.Н. Толстого, открытый в 1983 г., к 100-летию писателя. В квартире, занимавшейся семьёй А.А. Бострома и А.Л. Толстой, располагается мемориальное пространство, эспонируется подлинная семейная мебель и другие вещи и документы.

ную. Маня Арычкина (первая любовь брата Александра) на сцене хохотала так же заразительно, как и в жизни. Репетиции, обычно по воскресеньям, происходили у Бостром<ов>. Тогда Александра Леонтьевна давала нам указания о характерах героев. Говорила она тихо, приветливо, красивым голосом с большим диапазоном говорила музыкально. Видели мы её [высокую], статную фигуру в неизменном сером платье с серым пуховым платком на плечах. Алексей Аполлонович Бостром, отчим Алексея Толстого, также всегда выходил поздороваться с молодёжью и беседовал с нами весело и приветливо, но Коля Арычкин утверждал, что далеко не приветливо беседовал он с мужиками-крестьянами на кухне. Была у Бостром<ов> приёмная девочка Шура, маленькая, черноглазая, кудрявая, она лепетала на детском языке не всем понятные слова.

Для репетиций иногда собирались у члена Земской управы Тресвятского. В этом семействе так много было детей всяких возрастов, что точного числа их мы не знали. Старшая из них, Нина, очень некрасивая, но стройная девушка, считалась у нас по своей артистической одарённости примадонной; она играла драматические роли. Спектакли в зимние каникулы и на масленицу ставили в школе на Уральской улице (в доме В.Л. Прохорова). Сцену, декорации, костюмы и весь реквизит — всё делали сами под руководством Коли Арычкина, он был нашим режиссёром и художником-постановщиком. Но когда наши реалисты перешли в последний класс, их потребности возросли: постановки для «своих» не удовлетворяли; стали искать общественную арену. Выбрали для постановки пьесу Островского «Свои люди — сочтёмся», а ставить спектакль решили в Томашевом Колке (психиатрическая больница) для выздоравливающих больных. Сама поездка по зимней дороге за 15 вёрст от города казалась нам поэтической и заманчивой.

Приехали мы к завед<ующему> больницей известному доктору-психиатру Белякову. Он был знаменитым лектором и очень любил читать публичные лекции о вреде алкоголизма, а сам был типичный алкоголик. Его дети служили прекрасной иллюстрацией вреда алкоголизма, и доктор Беляков мужественно всенародно рассказывал об этом. Первые, сын и дочь Ольга, <были> очень одарённые. Ольга училась в одном классе с М<арией> В<асильевной> и окончила гимназию с золотой медалью, поступила на высшие женские Бестужевские курсы, восхищала всех своим развитием, но спилась и кончила проституцией. Третий сын покончил самоубийством на почве ипохондрии. Четвёртая дочь, хорошенькая блондинка, была уже с погашенными способностями, а последний сын родился идио-

том с нечленораздельной речью, но этот идиот обладал абсолютным музыкальным слухом, редкой музыкальной памятью и врождённой пальцевой техникой. Он был прекрасным пианистом. Мы с интересом слушали его необычную игру, но ужасно было видеть, как при этом текла у него слюна, а мать, с безысходным горем в глазах, смотрела на это музыкальное чудо природы.

Потом перешли в помещение со сценой. В этом спектакле Маня Прохорова играла Линочку, Нина Тресвятская — мать, Коля Арычкин — отца, Меня Арычкина — бесподобная сваха была, Мирбах <играл> Рисположенского, а жениха Липочки — Саша. После пьесы Островского, тяжёлой драмы, как тогда полагалось, шёл одноактный весёлый водевиль. Он написан был Ал<ексан>дрой Леонт<ьев>ной, и в нём были заняты все, кому не хватило ролей в пьесе Островского.

Спектакли сошли очень хорошо, только в самом драматическом месте пьесы Островского (в последнем акте) в зале раздался саганинский хохот, который оказался заразительным, и многие из публики по-сумасшедшему захохотали. Пришлось опустить занавес, увели буйных больных, а остальным разрешили остаться, если они обещают не хохотать так. Больные дали слово, но даже во время весёлого, смешного водевиля больные чрезвычайно серьёзно смотрели на сцену и не только не хохотали, но даже ни разу не улыбнулись. Они сдержали данное слово. Увести их из зала после спектакля оказалось очень трудно, а нам были ещё обещаны после спектакля танцы.

Мы спустились в зал и беседовали с некоторыми «выздоровливающими». Они имели вполне нормальный вид, внимательно слушали собеседника, но как только начинали говорить, обнаруживался весь их сумасшедший сумбур, и это производило удручающее и жуткое впечатление. Постепенно всех больных увели и, несмотря на поздний час ночи, мы всё же танцевали неизменными парами: Юлия Рожанская с Лёшей Толстым, Маня с Сашей Чумаковым, Саша Прохоров с Маней Арычкиной. Юлия кончала гимназию и была очень хороша. Блондинка с вьющимися от природы волосами, с тёмными глубокими глазами, с тонкими чертами лица, стройная, застенчивая. Улыбаясь, она опускала глаза, а на щеках [смеялись] ямочки. Она была обаятельна, говорила и смеялась очень тихо, и это выгодно выделяло её из нашей зевластой компании. Впоследствии, когда М<ария> В<асильевна> читала и перечитывала «Хождение по мукам», в образе Даши она неизменно видела Юлю, [какой она была в этот последний вечер].

*М.В. Прохорова, начало 1900-х гг.
Личный архив И.Ю. Неуструевой.
Публикуется впервые*

*M.V. Prokhorova, early 1900s.
Personal archive of I.Yu. Neustrueva.
Published for the first time*

*А.Н. Толстой. Самара, 1901 год.
СЛМ. КП-300
(Надпись на фото:
«Означенный на сей карточке
Алексей Толстой окончил курс»)*

*A.N. Tolstoy. Samara, 1901.
(Inscription on the photo:
"Alexei Tolstoy mentioned on this card
has completed the course").
M. Gorky Literature and Memorial
Museum in Samara*

*Алексей Толстой — учащийся Самарского
реального училища, 1900 год. СЛМ. КП-302
(Надпись на обороте: «Милой мамочке-
режиссёрше от П.И. Бобчинского в
память о наших спектаклях. 1900 г.»)
Alexey Tolstoy, a student at the Samara Real
School, 1900.*

*M. Gorky Literature and Memorial
Museum in Samara
(Inscription on the back: "To my dear mother-
director from P.I. Bobchinsky in memory of
our performances. 1900.")*

Дача Прохоровых под Самарой, 1902 год. Слева направо: И.А. Войков, Е.Ю. Ган, П.К. Карпов, М.В. Прохорова, С.Ю. Ган, С.С. Неуструев. СЛМ. КП-9260. Публикуется впервые
The Prokhorovs' dacha near Samara, 1902. From left to right: I.A. Voikov, E.Yu. Gan, P.K. Karpov, M.V. Prokhorova, S.Yu. Gan, S.S. Neustruev. Published for the first time. M. Gorky Literature and Memorial Museum in Samara

Карнавал на масленице в Самаре, в доме Прохоровых. СЛМ. КП-7973. Публикуется впервые
Carnival at Maslenitsa in Samara, in the Prokhorovs' house. Published for the first time M. Gorky Literature and Memorial Museum in Samara

А.Л. Толстая (во втором ряду слева) и А.Н. Толстой (в третьем ряду, в центре, внизу) с участниками любительского драматического кружка в Самаре, в доме Толстых. СЛМ. КП-293. Публикуется впервые
A.L. Tolstaya (second row, left) and A.N. Tolstoy (third row, center, bottom) with members of the amateur drama club in Samara, in the Tolstoy's house. Published for the first time M. Gorky Literature and Memorial Museum in Samara

Была там тогда вся семья Рожанских: отец, известный врач по детским болезням: красивый, кудрявый, сосредоточенно-грустный; грузная мамаша с большими печальными глазами и красивые братья — старший студент, настолько холодно-корректный, что мы боялись его: он казался нам чужим, а младший брат Юли, Герман, молчаливый гимназист, тоже достаточно корректный, был внимателен к Мане Прохоровой, часто приглашал её на танцы, и она с удовольствием танцевала с ним — уж очень он был хорош: пусть посмотрит Саша Чумаков, какие у неё кавалеры. Все знали, какие чувства связывают Лёшу и Юлю, и все смотрели на них, как на будущих супругов на всю жизнь! (Тогда мы все твёрдо верили: если брак, то уж, конечно, на всю жизнь!)

И каково же было изумление Мани Прохоровой, когда через несколько недель, на пасху... (ведь так недавно была масленица, когда мы танцевали в Томашевом Колке!) произошло нечто совершенно неожиданное.

Первый день пасхи всегда был скучнейший и бесконечно длинный. Девушкам не полагалось в этот день ходить в гости, да и небезопасно было выходить на улицу, трезвых пешеходов почти не было, а нравы были дикие: драки и резня на улицах в пасхальные дни были обычным явлением.

Благовест церковей с весенним перезвоном зовёт куда-то в этот весенний день: Маня, раскрыв окно, мечтательно смотрит вдаль, где за зелёным полем, в лесу стоит белый дом — Субботинская дача. Маня не знала обитателей этого таинственного дома, и для её фантазии открывался большой простор, но вот по грязной улице на извозчичьей пролётке едет молоденький офицер. Он снимает фуражку и приветствует Маню, она в ужасе от такого неприличия и убегает в глубину комнаты, но в то же время слышит звонок в коридоре. Сердце Мани радостно вздрагивает: «Кто-то пришёл! Наконец-то!». Маня мчится открывать парадное, стараясь опередить старую деву — Дашу-горничную. «Кто? Кто пришёл?» — стучит её сердце. 24 ступеньки Маня пронесится вихрем, раскрывает дверь... Перед ней торжественный, праздничный, красивый Лёша Толстой! Маня смущена:

— Лёша, никого нет, я одна...

— Вот и прекрасно, — Лёша спокойно запирает парадную дверь и степенно идёт наверх.

— Я одна... — лепечет Маня уже со слезами смущения в голосе.

— Это очень хорошо, Маничка, мне надо с Вами поговорить! Это удачно, что Вы одна, пойдёмте к Вам в комнату...

Маня в ужасе! Оставив шинель в передней, Толстой через зало, через столовую, впереди Мани быстро идёт к цели. Маня в полном смущении, щёки её пылают, проносятся неясные мысли: «Ведь Юля... Юля... неужели он пришёл мне объясниться?!». Когда вошли в комнату Мани, Лёша закрыл дверь и тихо, с опущенными глазами, торжественно начал: «Сядьте, Маничка, я пришёл предложить Вам дружбу... Любовь — это чувство очень редкое... неустойчивое... Оно прекрасное, но мучительное. В любви больше страданий, чем счастья. Я не хочу, чтобы Вы страдали, я хочу, чтоб жизнь Ваша была светлой, радостной, и я буду Вам верным другом... вот я принёс Вам книгу... Вы обязательно её прочтите! Это очень интересно!..» Он подал Мане том Спенсера и начал говорить о взглядах Спенсера. Маня ничего не понимала: «Что всё это значит? Причём тут Спенсер?..», и вдруг её поражает мысль: «Он думает, что я в него влюблена!».

Чувство возмущённой гордости вызывает слёзы на глазах Мани, и, вся вспыхнув, тихо дрожащим голосом она говорит, прерывая философию Лёши: «Но ведь Вы же знаете, что я люблю Сашу Чумакова, и он меня любит... Мы любим друг друга!». Она так твёрдо это сказала, и в то же мгновение ужасная мысль поражает её в самое сердце: «А может быть, Саша разлюбил меня и послал Лёшу утешить меня?!..».

— Не плачьте, Маничка, любовь — чувство мимолётное, а дружба может быть вечной.

— Как Вы можете говорить так. А Юля?

Она с отчаянием думает: «Ну, конечно, Саша разлюбил меня!..», и уже рыдает, не стесняясь. Слёзы обильными ручьями текут по её лицу, она старается унять их рукавом кофточки, а Лёша, в полной уверенности, что имя Саши Чумакова произнесено только из гордости, а что истинная причина отчаяния Мани — её безнадёжная любовь к нему, взял её за плечи и всё говорит высокие слова о дружбе.

В эту пору Алексей Толстой был так хорош, что ему и в голову не приходило, что можно любить какого-то дохленького Сашку Чумакова. Лёша мысли не допускал, что может найтись девушка, которая хоть чуточку не влюблена в него. Ведь он самый красивый, самый умный, начитанный, интересный!

Конец этому недоразумению положил возвратившийся брат Саня. Шумно распахнув дверь, он с возмущением вскрикнул: «Лёшка, чего ты с этой плаксой возишься? Пойдём!..». Они ушли, а Маня, всё ещё всхлипывая, принялась за длинное письмо Саше Чумакову и надеялась, что умнейшая из её подруг, Маня Арычкина, всё разъяснит, всё уладит...

Маня Арычкина обладала живым, трезвым умом, и хотя всю жизнь до старости писала лирические стихи, но жила твёрдо на земле. Рассказ о странном визите А. Толстого она восприняла юмористически: «Да он, дурак, думает, что и я в него влюблена, а я нарочно его разыгрываю: пускай полюбуется на себя... Наскачится! Не беспокойся, жизнь ему покажет...»

<...>

«Вырваны поэтические страницы из книги жизни...» — писала Маня брату в Москву, дав согласие на брак с С<ергеем> С<емёновичем> Н<еуструевым>⁵, и проплакала всю ночь. Получив это письмо, плакал и брат Андрей, он тогда ещё любил сестру: «Ты сама не понимаешь, что ты делаешь! Остановись и, если возможно, откажись...». Поздно! Слово дано, и М<ария> В<асильевна> слишком уважала и ценила С<ергея> С<емёновича> Н<еуструева>, чтоб так поступить с ним, хотя жизнь и литература и рисовали Мане брак как удручающую прозу, тупик, из которого нет выхода, нет движения вперёд. Но, чтоб вырваться из тесного круга обывателей, Маня перешагнула порог своей девичьей комнаты и очутилась среди бордачей-политиков, учёных-исследователей, дельцов-адвокатов. Её юный ум ещё только-только начинал жить, и Маня ничего не понимала ни в словах, ни в делах окружавших её людей.

Когда среди приятелей мужа, много читавших, много издававших, возникали страстные споры, и казалось, они готовы хватить графином по голове один другого, Маня не успевала схватить мысли их спора, не понимала возражений, и весь этот шум представлялся ненужным <и> далёким, она оставалась холодна и равнодушна, на неё нападали столбняк какой-то и душила одна мысль: «Боже, какая тоска...». Это состояние тоски всё росло, а ей не было ещё и 19 лет.

На лето учёный муж уезжал в экспедицию — изучать почвы, а Маня перебиралась к родителям, в уединённый старый сад. Там не стоило одеваться, не стоило причёсываться. С утра Маня надевала на рубашку лёгкий батистовый капот, расчёсывала длинные золотистые волосы, сама пленялась их роскошным видом и сама хмуро отвечала «всё это ни к чему», кое-как укладывала волосы на голове — она «дама», нельзя ходить с косой... но по-настоящему причёской заниматься не стоило: «не для кого...».

За утренним чаем ели горячие пирожки с ягодами и рассказывали сны.

— Ну как тебе не стыдно, Андрей! Это же мой сон...

⁵ См. о нём в предисловии к этой публикации.

— Как это то есть твой, когда я его видел?

— Да ничего не ты, это я тебе рассказывала третьего дня, а ты мне же мой сон рассказываешь!

Все хохотали, но весёлое настроение быстро таяло. От безделья, от бессодержательности и однообразия бытия все одолевало уныние — тоска.

Спасала музыка: пианино каждое лето путешествовало в сад. Брат Александр пел, Маня аккомпанировала. Потом Маня ставила на пюпитр инструмента том Некрасова или Пушкина и пела, импровизируя мелодию и подбирая аккорды. Играла упражнения Ганона, к чему-то готовясь. «Брось, надоело!» — протестовали братья, и все шли в сад, в вишнёвую рощу: «есть вишню». Выбирали на ветках самую зрелую, самую крупную, тёмную, почти чёрную; потом шли «есть сливу», она также росла отдельной рощицей. Слегка встряхивали деревья, и сочные, сладкие перезрелые сливы мягко падали на бархатную землю. Земляника уже «отошла», малина «кончается», но всё же заходили в высокие ряды малинника, ели спрятавшиеся под нижними листьями ягоды. Яблоки ещё не созрели: закусывали их, физиономию сводила гримаса: «Кислые!», забрасывали подальше закусанное яблоко. Есть больше нечего... Прогулка исчерпана.

Возвращались в поместительный дом причудливой архитектуры, расходились по комнатам, по терраскам и читали, читали без конца, всё, что попадалось под руку, без плана, без разбора. Лето. Духота... Все двери и окна раскрыты настежь, но ни один листочек не шелохнется. Казалось, всякое движение в природе остановилось... Тело покрывается испариной. «Искупаться что ли?» — лениво думает Маня. В это время вбегает горничная Маша. «Маня, на извозчике кто-то приехал...», — таинственно шипит она, хватая щётку и неистово метёт пол, вздымая облако пыли. Маня отрывается от романа Мопассана, её воображением ещё владеет «Милый друг», а на крыльцо уже поднимается, весь озарённый ярким солнцем, нарядный, торжественный, роскошный граф А.Н. Толстой. Он в форме студента-технолога: белый китель, сверкает золото вензелей на синем бархате эполет, белый жилет с золотыми пуговками — они все смеются! Диагональные сине-голубые брюки обтягивают стройные ноги, яркие жёлтые полуботинки... Он весь сверкает, благоухает. Огромный, породистый, красивый, с изумительно свежим лицом, с лёгкими волнистыми волосами, с тёмными глубокими глазами. «Лёша!» — с испугом вскрикивает Маня и быстро поправляется и шепчет виновато: «Алексей Николаевич...». Маня уничтожена: «в капоте, непричёсанная...».

– Ах, Маничка, какая жара! Адово пекло! — но, спохватившись, также быстро поправляется: «Мария Васильевна...». Не скрывая усмешки, он с ног до головы рассматривает Маню, а она готова заплакать, в голове у неё вихрем проносится: «Боже мой! Ведь он из Петербурга, а я провинциалка, обывательница в розовом капоте, непричёсанная, в туфлях на босу ногу. Боже мой! Боже мой...».

Они выходят на террасу, и Маня, перегнувшись через перила, громко кричит: «Маша, самовар!». Маша накрывает стол, приносит утренние пирожки, ставит несколько сортов варенья в вазочках... Появляются братья — нечёсанные, в рубахах без пояса, с расстёгнутыми воротами. У Андрея заспанное лицо, Сашка кисло здороваётся: «А-а, Лёшка...».

Маша приносит пыхтящий и фыркающий огромный, медный самовар. Маня садится разливать чай.

— Вам, Алексей Николаевич, крепкого?

— Мне, Мария Васильевна, — подчёркнуто величает её Толстой, — никакого! Это сумасшествие, в такую жару кипятком пить!

Братья молча надуваются чаем. Андрей угрюмо, молча пьёт уже восьмой стакан и изредка роняет: «Хорошо!». Разговор не клеится. Прежнего дурачества в Толстом и следа не осталось. Реалистом он любил смущать Маню:

— Маничка, а что такое, по-вашему, «тармашки»?

— Какие «тармашки»?

— Ну, вот говорят: «упал кверху тармашками»...

— Ну, значит, кверху ногами.

— Что вы, Маничка, ноги и есть ноги, а это «т-а-р-м-а-ш-к-и!».

Вы подумайте!

Обиженная такой нескромностью, Маня убежала.

Или придумает игру какую-либо: «Давайте играть: всё будем говорить правильно, настоящими русскими словами, а то у нас чорт знает как портят язык: жёртые туфли, например, называют “говнопяцы”!»!

— Лёша! Таких гадостей никто не говорит, кроме Вас. Как Вам не стыдно!

Но Лёша не смущается: «Ну, ладно, а вот когда на обращение отвечают: “А-а”? Это ужасно глупо, надо говорить: “Что?”. Если кто из вас будет отвечать мне “А-а”, я так и буду говорить: “Дурак!”, “дура!”, чтобы отучить вас». Это всем понравилось, и если Толстому приходилось заночевать у Прохоровых в саду — а это часто случалось с товарищами братьев, спали они обычно в верхней терраске

на полу, под открытым звёздным небом (крыши не было) — только проснувшись, Толстой громко кричал: «Маничка!». — «А-а!» — звонко отвечала она с 3-го этажа башни, и все ликующе, хором, кричали: «Д-у-у-р-ра!».

Брат Александр любил спать на сене в телеге и отвозил телегу под берёзы. Рано утром товарищи окружали его, и Толстой тормозил Сашку: «Вставай, Сашка! Сашка!». Тот спросонок мычал: «А-а?»». И опять все хором кричали: «Ду-р-рак!», и хохотали без конца. Глупее не придумать! Но ведь все мы были так молоды!

Лёша возмущался, что три подружки имели одинаковое имя: «Обращаешься к одной, а отвечает другая. Давайте называть Маню Загорскую — “За-за”, Маню Арычкину — “А-а”, Маню Прохорову — “Пр-пр”». Все Мани обиделись, у них даже слёзы на глазах показались.

Но всё это давно прошло. Сейчас перед ними сидел холёный, роскошный, умный, корректный... граф, начинающий писатель! Всем было ясно: он перерос их, а вот они — отстали!

Маня не могла оторвать глаз от красивого профиля Толстого, от его красивых рук, как будто впервые видела этого необыкновенного человека и думала: «А что за этой красивой внешностью? Что у него в голове, какие мысли? Какие чувства? — Пучина морская, глубина?!.. а я? Лужа — воробью по колено... опустившаяся обывательница... жена... Боже мой! Перед ним в розовом капоте, с босыми ногами...». Стыд и тоска заливали всё её существо.

После этого нудного приёма А.Н. Толстой не появлялся больше у Прохоровых. Встретила его М<ария> В<асильевна> в студенческие годы ещё раз в Самаре, в зимние каникулы, в Дворянском собрании на студенческом балу «специалистов» (так назывался объединённый бал студентов технических вузов; «универсантов» в Самаре было больше, и они устраивали свой бал отдельно).

В большом двухсветном зале с традиционными колоннами и хорами была большая эстрада, и вечер начинался с концерта просвещённых, высоко [квалифицированных] просвещённых любителей, иногда выступали и артисты, но в смысле мастерства исполнители-«любители» не уступали профессионалам. Обязательным участником этих концертов был отчим Ал<ек>сея Никол<ае-вича> Толстого Алексей Аполлонович Бостром⁶. Во фраке, с весьма импозантной, красивой внешностью, он артистически читал стихи

⁶ А.А. Бостром (1852–1921) — отчим А.Н. Толстого, гражданский муж его матери, А.Л. Толстой. Получивший лишь гимназическое образование, служил в земстве, занимался сельским хозяйством, а в 1899–1918 гг. был домовладельцем

Некрасова, обязательно «Железную дорогу» и «Песнь Ерёмушки». Не только любители, но и артисты тогда не гнались особенно за большим репертуаром и обычно на всех концертах из года в год выступали с одними и теми же вещами. И из года в год при словах Ал<ексея> Ап<оллоновича> Бостром<а> «А по сторонам-то всё косточки, косточки русские...» дамы вследствие условного рефлекса вынимали кружевные платочки и вытирали глаза. Артистки обязательно читали «Идёт, гудёт зелёный шум, Зелёный шум, весенний шум». После концерта стулья чинными рядами расставлялись за колонны, и там рассаживались важные мамы. На хорах гремел духовой военный оркестр, и бал начинался традиционным вальсом. Но особое значение для молодёжи имела 3-я кадрили — виновница завязки романов, а иногда — и горестной развязки.

Вот на таком балу и встретила М<ария> В<асильевна> А.Н. Толстого с его женой Юлией. Но тут уж она была во всеоружии: в белом вечернем туалете со шлейфом, затянутая в корсет, с искусной причёской, украшенной цветами, под руку с учёным мужем в строгом сюртуке, она уже не чувствовала себя опустившейся провинциалкой.

А.Н. Толстой в парадном студенческом мундире был великолепен, прост и приветлив. Но Юля! Изящная красавица Юля! Что стало с ней?! Боже мой! Это была почти квадратная дама, с толстыми щеками, с двойным подбородком, большое декольте, спускавшееся с плеч, подчёркивало эту преждевременную полноту, и у непосредственной М<арии> В<асильевны> вырвалось: «Юля, как Вы...». Но в это время муж больно сжал её локоть, и она, смутившись, прошептала: «Как Вы похорошели...».

— А Вы, Маничка... Мария Васильевна, всё такая же, — улыбаясь, сказал Толстой.

«Это он про мою бестактность», — с грустью думала М<ария> В<асильевна>, сознавая, что никакие шлейфы не помогут стать ей светской дамой. Юля и Маня, улыбаясь, молча смотрели друг на друга и с грустью думали: «Вот уж мы и дамы, а не гимназистки с русой косой...». С<ергей> С<емёнович> Н<еуструев> хвалил чтение Бострома, на что А.Н. Толстой бормотал что-то невнятное, но вот грянул с хор<ов> призыв на танцы. Щёголь-распорядитель танцев, красивейший кудрявый студент с огромным белым бантом на плече, раскатился по паркету и открыл бал с красавицей Неклютиной — всё закружилось, зазвучало, тут не до разговоров!

в Самаре, принимал активное участие в деятельности семейно-педагогического кружка и ряда других общественных организаций.

Литература

1. А.Н. Толстой и Самара. Из архива писателя. Куйбышев: Куйбышевское книжное изд-во, 1982. 368 с.
2. Воспоминания об А.Н. Толстом. М.: Сов. писатель, 1973. 463 с.
3. *Донцова З.Н.* Сергей Семёнович Неуструев (1874–1928). М.: Наука, 1967. 200 с.
4. Перепелкин М.А. «Ходившие по мукам»: самарский код в трилогии А.Н. Толстого. Самара: Научно-технический центр, 2022. 704 с.
5. *Самойлов Н.А.* Первая легальная марксистская газета в России («Самарский вестник», 1896–1897 гг.) // Пролетарская революция. 1927. № 4. С. 90–109.

Research Article and Publication of Archival Documents

A.N. Tolstoy in the Memoirs of M.V. Neustrueva. Part 1. Lyosha and Manichka

© 2024. Mikhail A. Perepelkin

Samara National Research University,

Samara, Russia

M. Gorky Literature and Memorial Museum in Samara,

Russia

Russian Christian Humanitarian Academy named after F.M. Dostoevsky,

St. Petersburg, Russia

Acknowledgements: The work was carried out at the Russian Christian Academy for the Humanities with the financial support from the Russian Science Foundation, project no. 24-28-00699 “A. Tolstoy as a Mirror of Russian History and Culture of the Soviet Era” (<https://rscf.ru/project/24-28-00699/>).

Abstract: This publication is a fragment of the memoirs of M.V. Neustrueva (1885–1961), written in the mid-second half of the 1950s, and opens a cycle of two articles, the first of which, “Lyosha and Manichka,” deals primarily with the first period of the memoirist’s acquaintance with the future writer A.N. Tolstoy, dating from the late 1890s to the middle of 1900s. In her memoirs, Neustrueva describes her acquaintance and meetings with Tolstoy, amateur performances in which they took part together, and several episodes dating back to the time when Tolstoy had already become a student and was returning to Samara on vacation. The publication accompanies the memoirs of Maria Neustrueva with an introductory article, which reconstructs the biography of the memoirist and the history of her work on them using available sources. Memoirs of M.V. Neustrueva are published for the first time.

Keywords: A.N. Tolstoy, M.V. Neustrueva, memoirs, biography of the writer, Samara, 1890–1900s, real school, students, cultural life, A.L. Tolstaya, A.A. Bostrom, Yu.V. Tolstaya (Rozhanskaya).

Information about the author: Mikhail A. Perepelkin, DSc in Philology, Professor, Samara National Research University, Moscow Hwy., 34, 443086 Samara, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6102-6947>

E-mail: mperepelkin@mail.ru

For citation: Perepelkin, M.A. “A.N. Tolstoy in the Memoirs of M.V. Neustrueva. Part 1. Lyosha and Manichka.” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (32), 2024, pp. 90–122. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-90-122>

References

1. *A.N. Tolstoy i Samara. Iz arkhiva pisatel'ia* [A.N. Tolstoy and Samara. From the Writer's Archive]. Kuybyshev, Kuibyshevskoe knizhnoe izdatel'svo Publ., 1982. 368 p. (In Russ.)
2. *Vospominaniia ob A.N. Tolstom* [Memories of A.N. Tolstoy]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1973. 463 p. (In Russ.)
3. Dontsova, Z.N. *Sergei Semenovich Neustruev (1874–1928)* [Sergei Semenovich Neustruev (1874–1928)]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 200 p. (In Russ.)
4. Perepelkin, M.A. “*Khodivshie po mukam*”: *samarskii kod v trilogii A.N. Tolstogo* [“Walking Through Calvary”: The Samara Code in A.N. Tolstoy's Trilogy]. Samara, Nauchno-tekhnicheskii tsentr Publ., 2022. 704 p. (In Russ.)
5. Samoilov, N.A. “Pervaia legal'naiia marksistskaia gazeta v Rossii ('Samarskii vestnik,' 1896–1897 gg.)” [“The First Legal Marxist Newspaper in Russia ('Samara Herald,' 1896–1897)”. *Proletarskaia revoliutsiia*, no. 4, 1927, pp. 90–109. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 10.02.2024

Одобрена после рецензирования: 07.05.2024

Дата публикации: 25.06.2024

The article was submitted: 10.02.2024

Approved after reviewing: 07.05.2024

Date of publication: 25.06.2024